

Фраза Линь Гохуа прозвучала — и мгновенно он стал центром внимания.

Часть журналистов успела запечатлеть его перекошенное от ярости лицо, и почти сразу же объективы камер вновь скользнули к У Гую и Линь Сюэце, вылавливая каждую тень эмоции, каждое микродвижение их лиц.

Все ждали скандала. Ожидали, что Линь Сюэце и У Гуй тут же резко ответят, разорвут ситуацию в клочья.

Но Линь Сюэце остался спокойным — его лицо было ровным, почти отстранённым.

А У Гуй и вовсе выглядел расслабленным: он чуть наклонил голову в сторону Линь Сюэце и с мягкой улыбкой произнёс:

— А почему не может? Мы же так похожи. С первого взгляда ясно — отец и сын.

Когда эти слова прозвучали, не только семья Линь — даже усердно работающие журналисты едва сдержались.

В них не то, что бы было мало общего, они кардинально отличались

— Да вы не сомневайтесь, — всё так же весело продолжал У Гуй. — Народное око зорко. Мы с Сюэце только вышли — и все вокруг сразу заговорили, как мы похожи. Прямо как настоящие отец и сын.

Те, кто минуту назад рассыпался в комплиментах У Гую, поспешно отвели глаза, неловко делая вид, что их здесь нет — лишь бы он не указал на них вслух.

Возразить У Гую никто не решался.

Но Линь Гохуа осмелился.

Этот ход У Гую уничтожил весь банкет.

Он не просто перетянул на себя внимание — он выставил всю семью Линь посмешищем, словно клоунов на сцене.

И устроить такое именно на его пятидесятилетия?!

Если бы он это проглотил — он бы не был Линь Гохуа.

— Господин У — новый фаворит элиты, — процедил он ядовито, с холодной насмешкой. — Если вы говорите, что похожи — значит, конечно, похожи. Но не только вы с Линь Сюэце. Я вот, например, воспитывал его, как приёмного сына восемнадцать лет — и почему здесь ни разу не говорили, что мы с ним тоже выглядим как родные отец и сын?

После этих слов в зале повисло тяжёлое, неловкое молчание.

Когда шутил У Гуй — это ещё можно было принять за игру, за иронию.

Но реплика Линь Гохуа, пропитанная злобой и обидой, выглядела откровенно некрасиво.

Будто все присутствующие — бесхребетные хамелеоны, которые говорят одному одно, другому — другое, подстраиваясь под сильных.

А ведь здесь, в особняке семьи Линь, собрались люди не случайные — приглашённые гости, фигуры с положением и именем в городе.

И слышать такое в присутствии прессы было унижительно.

Недовольство мгновенно отразилось на лицах.

Чжэн Мэйлин, зажата толпой журналистов, на своих тонких каблуках едва не упала — её спасла рука Линь Цинтяня, который вовремя поддержал её, помогая сохранить достоинство.

Она наконец пришла в себя, шагнула вперёд и схватила Линь Гохуа за руку — как человека, который умел только тянуть семью на дно.

И затем её взгляд остановился на У Гуге и Линь Сюэце.

Родные отец и сын?..

В душе Чжэн Мэйлин отказывалась в это верить.

Разве в мире бывают такие совпадения?

Чтобы два человека, настолько разные, словно движущиеся в противоположных направлениях, вдруг оказались кровными родственниками?

— Господин У, прошу простить нас... — мягко сказала она, вздыхая. — Мы никогда не слышали, что у вас есть сын. И Сюэце никогда не упоминал о вас... Это действительно стало для нас полной неожиданностью.

Она сделала паузу, и в её голосе прозвучала усталость:

— История с «настоящим» и «подменным» сыном в нашей семье... думаю, все присутствующие уже о ней наслышаны.

— Если говорить откровенно, — продолжала Чжэн Мэйлин, — тот момент, когда мы узнали правду, стал страшным ударом и для нас, и для Сюэце. Нашей семье понадобилось очень, очень много времени, чтобы хоть как-то принять и переварить эту реальность. Из-за той давней аварии мы по ошибке решили, что Сюэце — наш родной сын, и привели его в семью Линь, растили его восемнадцать лет. И даже когда выяснилось, что между нами нет кровного родства, все эти годы мы всё равно воспитывали его как собственного ребёнка. Такая ошибка... пусть случится один раз — и достаточно. Ни в коем случае нельзя, чтобы она повторилась снова. Ребёнок только что стал совершеннолетним... — её голос дрогнул. — Мне невыносимо даже думать о том, чтобы он пережил подобную боль ещё раз.

Она опустила голову, мягко провела рукой по уголку глаза и заговорила сквозь слёзы:

— Господин У, вы утверждаете, что Сюэце — ваш родной сын. Скажите... у вас есть доказательства?

Вся её длинная, эмоциональная речь была лишь подготовкой к этому одному вопросу.

Всё было сыграно по-мастерски: не истерика, не крик, не агрессия, как у Линь Гохуа, — а тихая, трогаящая за сердце линия сочувствия и боли.

Плачущая приёмная мать, которая просит доказательства ради защиты ребёнка от «второй травмы» — такой аргумент тронул большинство присутствующих.

Чжэн Мэйлин чувствовала это.

Она украдкой вытерла слёзы и осторожно подняла взгляд на У Гуя.

И в следующую секунду — замерла.

Его осунувшееся, суровое лицо было красным, глаза налиты слезами.

Она выдавливала из себя жалкие капли, а у него слёзы лились потоками — щедро, не сдерживаясь, словно им не было цены.

— Да... — всхлипнул У Гуй. — То, что семья Линь воспитала не того ребёнка, нанесло моему малышу слишком сильную боль. Малыш... — голос его дрогнул. — За эти годы ты так много вынес...

Он вспомнил сотни лет ожидания Линь Сюэце — и слёзы покатались крупными, тяжёлыми каплями.

Линь Сюэце, глядя на него, не знал — смеяться ему или плакать:

— Со мной всё в порядке...

Но эти слова только добились У Гуя.

Он растрогался ещё сильнее и, повернувшись к толпе, сказал с надрывной нежностью:

— Видите? Какой он у меня понимающий... какой хороший ребёнок...

Он вынул телефон, открыл файл и прямо перед объективами камер развернул экран:

— Вот. Это документ о генетической экспертизе. Тест на отцовство. Здесь чёрным по белому написано: между мной и моим малышом — прямая кровная связь. Мы — родные отец и сын.

На мгновение весь зал застыл.

Даже Линь Сюэце был ошеломлён.

Экспертиза?..

Он... он подготовил всё заранее?!

Операторы лихорадочно наводили фокус на экран телефона, гости вытягивали шеи, стараясь разглядеть документ.

— Исследование проведено в больнице города Хайцзин, — спокойно добавил У Гуй. — Чуть позже я выложу официальный результат на сайте компании «Бода Девелопмент».

Хайцзинская городская больница — государственная клиника. Какой бы властью ни обладал У Гуй, заставить государственную больницу сфальсифицировать экспертизу было невозможно.

А раз он осмелился показать документ публично — значит, подделки быть не могло.

Лица семьи Линь побледнели.

Чжэн Мэйлин даже пошатнулась и невольно сделала шаг назад — её снова поддержал Линь Цинтянь.

Она была в полном оцепенении.

Линь Сюэце... действительно оказался родным сыном У Гуя.

Неужели... это и есть та самая «судьба благословлённого»? Человека, которого где бы он ни оказался — всегда сопровождает покровительство и удача.

Сирота — восемнадцать лет жил в их доме, ел, пил, рос за их счёт.

Только вернулся Цинтянь — и Сюэце уже стал «настоящим наследником» в семье У Гуя.

К этому юбилею семья Линь готовилась очень долго.

А теперь — они потеряли не только «перспективного зятя» У Гуя, но и сам праздник.

Всё внимание, весь свет, весь смысл торжества — были украдены.

Чжэн Мэйлин уже ясно видела будущее:

После сегодняшнего дня над их семьёй будут смеяться.

Долго.

Ядовито.

И без пощады.

Но у Чжэн Мэйлин была ещё одна, куда более глубокая тревога — тайная, липкая, не дающая покоя.

Раньше она утешала себя мыслью: пусть Линь Сюэце и У Гуй встречаются, пусть у них роман — как бы ни сложилось, он всё равно не сможет вырваться из семьи Линь.

Рано или поздно он вернётся.

Вернётся, чтобы снова служить им, гнуть спину, отдавать всё — как и прежде.

Но теперь...

Если Линь Сюэце — родной сын У Гуя, то значит... его кровь, его «ценная кровь», его «богатая

судьба», его удача, его энергия, его потенциал, его «золотые кости судьбы» — всё это больше никогда не будет принадлежать семье Линь.

Никогда.

Разве они смогут ещё что-то с него получить?!

Раньше Чжэн Мэйлин презирала Линь Сюэце.

Считала, что богатство семьи Линь не имеет к нему никакого отношения.

В её глазах он был всего лишь нахлебником, приживалой, чужим ребёнком, который ел и жил за их счёт.

Но стоило ей ясно осознать, что он действительно может уйти из семьи Линь навсегда, её накрыл страх.

Будто вместе с ним уйдёт не только сам Линь Сюэце, но и вся удача, все деньги, все потоки благополучия и всё это перетечёт в руки У Гуя.

Как такое можно допустить?!

Чем больше она думала, тем сильнее её охватывала паника.

Лицо побелело, губы дрожали — она не могла вымолвить ни слова.

Чжэн Мэйлин была в шоке.

А Линь Гохуа и вовсе стоял как вкопанный, словно окаменев, не в силах прийти в себя.

И только Линь Цинтянь — как истинный «главный герой гарема» — неожиданно оказался самым собранным.

— Теперь понятно, почему Сюэце раньше хотел остаться в семье, — медленно сказал он. — А тут вы появились — и он сразу ушёл. Значит, вот какие у вас отношения.

Он усмехнулся уголком губ:

— Господин У, вы, конечно, предусмотрительный человек. Даже на банкет по случаю юбилея пришли с экспертизой на отцовство.

В этих словах было всё: и ирония, и скрытая колкость, и холодная насмешка.

Но для У Гуя такие шпильки — пустяк.

— Да что вы, — легко отозвался он. — Много у кого документы хранятся в телефоне. И кто сейчас вообще выходит из дома без телефона?

Он перевёл полный слёз взгляд на Линь Сюэце и мягко сказал:

— А что до Сюэце... это я умолял его пойти со мной. Он такой умный, такой талантливый... я увидел его — и сразу понял: это мой малыш. Как я мог позволить ему оставаться одному в этом мире?

Он вздохнул:

— Вообще-то, к этой экспертизе мы пришли именно из-за него. В детстве моего малыша похитили, он оказался в приюте, потом его забрала семья Линь. Тяжёлое детство, сложная среда, постоянная нестабильность — всё это сделало его недоверчивым к родственным чувствам. Когда я сказал ему, что я его родной отец, он не поверил ни на слово. Сказал: «Только экспертиза. Только доказательства.»

Он снова вытер слёзы:

— И только когда мы получили результат, когда подтвердилось кровное родство... он согласился пойти со мной.

Голос его дрогнул:

— Небо смилоствилось надо мной... дало нам возможность снова найти друг друга. Но эти годы... — он закрыл глаза. — Эти восемнадцать лет... их уже не вернуть.

Я потерял детство своего ребёнка. Это будет моей болью до конца жизни.

Даже если я отдам ему всё своё состояние — это не сможет восполнить ему ни капли утраченного.

Если Чжэн Мэйлин умела играть — то У Гуй играл на уровне великого мастера.

Покрасневшие глаза. Катящиеся слёзы. Глубокие морщины в уголках глаз — морщины боли стареющего отца.

Растроганы были все: гости, журналисты, операторы...

Даже Линь Сюэце, прекрасно зная, что половина слов — вымысел, чувствовал, как внутри что-то сжимается.

Потому что чувства в этих словах были настоящими.

Пока У Гуй включал режим «император драмы», семья Линь стояла с мрачными лицами.

Им было не до сочувствия.

Но в каждом его слове они слышали явный подтекст.

Это же прямой наезд на семью Линь.

Прямой, откровенный, без прикрытий.

Чистейший, сияющий, демонстративный дисс.

Но беда была в том, что: он играл лучше, он был богаче, он был влиятельнее.

И семья Линь объективно стояла ниже.

Сдерживая злость, они не могли сказать ни слова.

Тем временем самые сообразительные гости уже уловили скрытый смысл.

— Господин У... — осторожно произнёс кто-то, — вы хотите сказать, что собираетесь передать всё своё имущество...

— Именно так! — громко подтвердил У Гуй, с одобрением глянув на говорившего.

— Всё, что принадлежит мне, отныне будет принадлежать Линь Сюэце. Он — мой единственный наследник.

«Щёлк-Щёлк-Щёлк»

Вспышки камер ослепляли зал.

Всего за полчаса У Гуй:

- публично объявил о родном сыне

- официально представил наследника

Юбилей семьи Линь окончательно превратился в сцену У Гуя и Линь Сюэце.

Теперь это был уже не праздник семьи Линь.

Это было их шоу. Их сцена. Их триумф.

<http://bllate.org/book/14966/1423198>